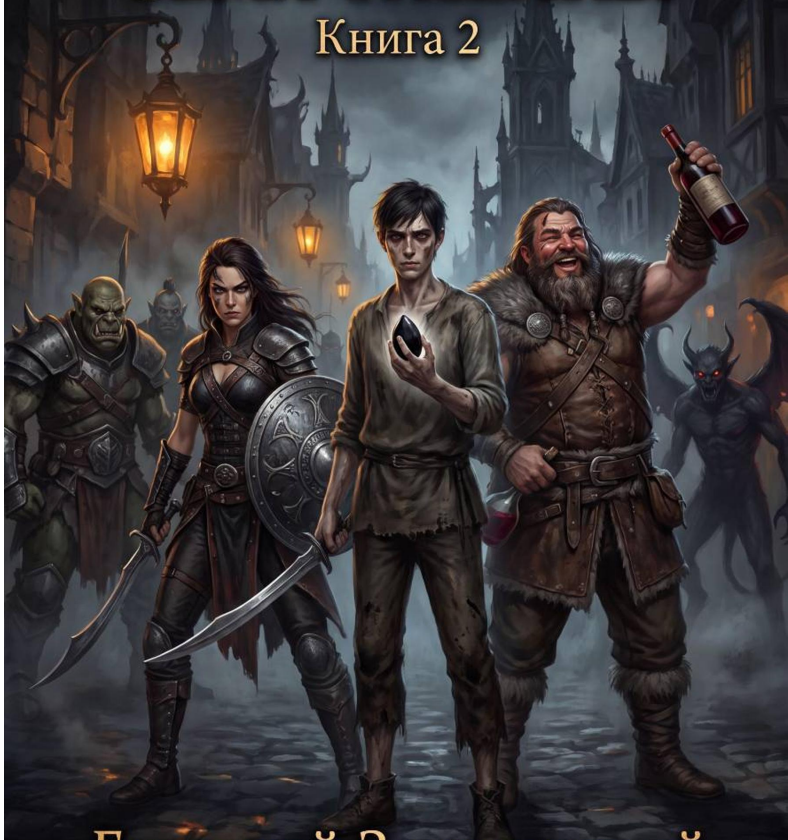

АСХАРАТ СЕМЯ ТИШИНЫ

Книга 2

Геннадий Замостоцкий

геннадий замостоцкий

Асхарат 2

<https://litres.ru/74170873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Асхарат никогда не спит тихо, а Касу это на руку — тишина внутри него страшнее любой погони. После Чаши и уничтоженного Семени он живёт шумом города, как лекарством.

Но Красный Кодекс, открывшийся от его крови, ведёт туда, где однажды пропала его мать. Книга отвечает на старые санитарные диски, спящие в мёртвых фильтрационных полях — и с каждым откликом Каса находят всё быстрее.

Городской Контур скупает Асхарат. Певчие ходят слишком тихо. А на севере, в белом городе Тар-Вэл, хирург Лоур Вейн уже понял: Кас — не беглец с редкой вещью. Он живой ключ к дверям, которые не могли открыть десятилетиями.

С ним — врач с бритвенным языком, громила с кулаками и тёплым сердцем, стрелок с прошлым, которое вот-вот всплывёт, и капитан баржи, готовая сжечь собственный корабль, лишь бы не отдать чужую жизнь на белый стол.

Дорога усеяна погонями и сгоревшими домами. Белые ворота ещё не открылись.

А инструменты уже готовы.

Содержание

Глава 1. Шум после	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

геннадий замостоцкий

Асхарат 2

Глава 1. Шум после

Свет в Асхарате всегда опаздывал. А шум — никогда.

Кас стоял у окна, оперевшись плечом в кривую грязную раму, и слушал, как под ним просыпается Барахолка. Внизу уже орали. Как проститутки, не для порядка — всерьёз, с надрывом, с хрипом, с той искренностью, с какой люди дерутся за последний фильтр, за полведра воды и за право не сдохнуть сегодня, а как-нибудь потом.

Кто-то ругался из-за ремня для тяговой скобы.

Некоторые били железом по железу так, будто пытались выколотить из ржавчины вчерашний день.

Женщина с глоткой, способной распугать ворон с соседнего квартала, крыла матом мясника, мясник орал в ответ, а рядом уже ревел ребёнок — долго, зло, на одной ноте, как плохо смазанный блок в подъёмнике.

Хороший звук.

Настоящий Живой.

Кас закрыл глаза лишь на мгновение, позволяя хаосу звуков окружить его. Скрежет метала, грубая брань, сухой кашель, сиплый голос рекламы дешёвых батарей, звон разби-

тых бутылок и свист пара из пробитой трубы — всё это впи-
валось в сознание, не оставляя места для пустоты.

Эти дни он научился ценить с той же стыдной благодар-
ностью, с которой принимают грубые руки, возвращающие
тебя, когда ты уже на грани падения.

Порыв ветра ткнул в лицо запахами Барахолки: прогорк-
лый жир, мокрая пыль, горячее железо, кошачья моча, кровь
с мясных крюков, дешёвый спирт. Асхарат умел вонять так
плотно, что запах становился ещё одной стеной.

Кас и за это был ему благодарен.

Тишина была хуже.

Она умела ждать. Как не кто.

Он не сразу заметил, что пальцы снова вцепились в под-
оконник. Костяшки побелели, под ногтями набилась рыжая
пыль. Где-то внутри, вдоль старой боли, полз холод. Едва
заметный. Не тот, что когда-то мог положить его мордой в
грязь одним прикосновением. Просто тонкая, мерзкая нитка
под кожей. Напоминание. Как шрам, который любит менять
погоду раньше неба.

Сзади скрипнули половицы.

— Если ещё минуту так простоишь, — сказал Сорок, —
Барахолка решит, что ты по ней сохнешь.

Кас не обернулся.

— Она шумит.

— Вот сука, да? Совсем страх потеряла.

Сорок встал рядом, заняв слишком много места, как все-

гда. От него несло вчерашним потом.!

Хлебной пылью и дешёвым мылом, которое Тилла покупала ведром, словно мстила миру за его запахи.

В одной руке он держал жестяную кружку, в другой — кусок чёрствого хлеба, такой твёрдый, что им при желании можно было оглушить человека.

Он тоже посмотрел вниз, щурясь на свет.

Под утренним солнцем шрамы на его башке казались старой картой, по которой давно никто не хотел бы ходить. Один глаз чуть щурился сильнее другого. Челюсть ходила медленно, упрямо. Хлеб трещал у него на зубах так, будто это не еда, а кусок метала.

— Хорошо орёт, — сказал он, кивнув вниз.

— Угу.

— Тебе это нравится.

— Угу.

— Мне тоже. — Сорок глотнул из кружки, сплюнул через плечо и добавил: — Значит, мы ещё не совсем в жопе.

Кас покосился на него.

— Оптимист.

— Я реалист, — сказал Сорок. — Оптимистыдохнут быстрее. Они всё время надеются на хрень.

Снизу кто-то завизжал так, будто его попытались обсчитать на целую жизнь.

Сорок довольно хмыкнул.

— Во. Человек борется за своё. Интересно наблюдать за

ними .

Он специально говорил громче обычного. Специально шаркал сапогом по доскам. Специально стукнул кружкой по подоконнику — вроде случайно, но Кас слишком давно его знал, чтобы верить в это дерьмо.

Кас повёл шеей, как будто сбрасывал липкую паутину с затылка.

— Спасибо.

— За что?

— За твою тонкую душевную организацию. <ха ха ха>

— Пошёл ты, — сказал Сорок и ухмыльнулся краем рта.

— Тилла сказала, если ты ещё раз зависнешь у окна и пропустишь завтрак, она скормит твой паёк мне.

— Это не угроза.

— Для тебя — нет. Для еды — да.

Из глубины комнаты донёсся голос Тиллы:

— Сорок, если ты опять жрёшь стоя, я тебе колени в другую сторону соберу!

— Слышал? — сказал Сорок. — Любовь.

Он оттолкнулся от стены и пошёл внутрь, царапая плечом косяк.

Кас задержался ещё на миг. Внизу по узкому проходу между навесами тащили ящик с медной стружкой. Мальчишка лет десяти бежал следом, босой, чёрный от грязи по колено, и орал что-то визгливое и бодрое.

Над рядом тряпичных крыш колыхался пар. На дальней

крыше кто-то уже варил металл, и голубой огонь горел даже днём, как ненормальный глаз.

Жизнь. Грубая, потная, злая. Не красивая, настоящая.

Кас оторвался от окна и вошёл в комнату.

У Тиллы никогда не было просто комнаты.

У Тиллы было логово, склад, мастерская, перевязочная, кухня, оружейная и кусок ада, в котором каким-то образом ещё держались люди. Под потолком висели сушиться тряпки и полосы кожи. В углу парил большой котёл. На стене над столом рядами шли банки: гайки, иглы, пороховые капсулы, какие-то сушёные корешки, обломки стеклянных ампул. От печки тянуло супом, гарью и йодом.

Пол был шершавый от въевшейся пыли, стены — тёплые от жара и старых разговоров.

Тилла стояла у котла, короткая, жёсткая, с седыми волосами, стянутыми в узел так туго, будто она ими кого-то ненавидела. Черпак в её руке был похож на оружие. На самом деле у неё всё выглядело оружием, включая взгляд.

— Прозевался? — спросила она, не оборачиваясь.

— Уже вернулся.

— Значит, ещё не совсем дурак.

Лира сидела у стола, склонившись над разложенными инструментами. Свет из окна ложился на её пальцы — длинные, тонкие, с въевшимися в кожу следами от спирта, трав и чёрт знает чего ещё. Она шлифовала кончик иглы мелким камнем, будто разговаривала с ним на своём языке. На краю

стола стояла миска с мутной водой. В воде плавали розовые разводы. Значит, кого-то сегодня уже штопали.

Или кого-то снова штопали.

Хайн занимал стул у стены так, словно стул был допросной табуреткой, а он пока не решил, на чьей стороне. Локти на коленях, руки сцеплены, челюсть каменная. На полу у его сапога стоял разобранный карабин. Он не чистил его — разбирали и собирали просто чтобы занять пальцы.

Кас успел заметить, как Лира поднимает глаза.

Только на долю секунды.

Этого хватило.

У неё всегда был взгляд человека, который видит под кожей чуть дальше остальных. Иногда от этого хотелось спрятать руки за спину. Иногда — наоборот.

Сейчас она скользнула по его лицу, задержалась на слишком долго сжатых губах, на пальцах с ржавой пылью, на том, как он поставил левую ногу чуть осторожнее правой. Ничего не сказала. Только подвинула к краю стола жестяную кружку с чаем.

Кас взял её.

Чай был дрянь — горький, крепкий, пахнувший не листьями, а пережжённой тряпкой. Идеально.

На столе между кружками, ножом, обрывками бинтов и куском темного хлеба лежал Красный Кодекс.

Он выглядел так, будто его не сделали, а содрали с чего-то живого.

Тяжёлый, с глухим матовым блеском, не то книга, не то шкатулка, не то кусок старой машинерии, которому зачем-то придали форму книги, а потом передумали на полдороге. Красное покрытие на углах облезло, обнажив под ним чёрный металл. По крышке шли тонкие линии, сплетённые в узор, от которого у Каса начинало неприятно тянуть между лопатками, если смотреть слишком долго. Ни замка, ни щели, ни петель. Просто вещь, которая очень ясно давала понять: я откроюсь, когда сама решу.

Тилла ненавидела, когда он лежал на её столе.

Именно поэтому он чаще всего лежал на её столе.

— Он ночью опять царапался, — сказала Тилла.

Хайн оторвался от карабина.

— Что?

— Не строи рожу, будто не понимаешь слов, — отрезала она. — Царапался. По столу. Тихо, мерзко. Как крыса, которой дали образование.

Сорок сел, стул под ним жалобно хрустнул.

— Может, это просто Кас во сне к нему лез.

— Если бы Кас во сне так скрёб, — сказала Тилла, — я бы ему руки на ночь в бочку с песком ставила.

Кас поставил кружку.

— Я не трогал.

— Да знаю, — буркнула Тилла. — Ты вчера вообще отрубился, как убитый.

У тебя даже лицо было не такое умное.

Ли́ра щёлкнула иглой по краю миски. Звук вышел тонкий, звонкий.

— Он не царапался, — сказала она. — Металл о дерево даёт другой след.

Хайн посмотрел на Кодекс.

— Тогда что?

Ли́ра пожала плечом.

— Если бы я знала, уже сказала бы.

— Очень успокаивает, — пробормотал Сорок.

— Тебя вообще ничто не успокаивает, кроме еды и хорошей драки.

— Врёшь. Ещё меня успокаивает, когда Хайн заткнулся.

Хайн даже не повернул головы.

— Сильно страдаешь?

— От твоего лица — да.

— Переживёшь.

— Не уверен. У него такая морда, будто он лично придумал запоры, трупный холод и плохой секс.

Тилла прыснула в кулак. Ли́ра прикрыла рот ладонью, но глаза у неё потемнели смешинкой.

Даже у Хайна уголок рта дёрнулся — быстро, как сбой.

Кас сделал ещё глоток. Горячая дрянь обожгла язык.

Пока они говорили, было легко. Пока Сорок давил стул массой, Тилла ругалась на суп, Хайн делал вид, что ему глубоко насрать на всех в комнате, а Ли́ра перебирала железо, мир держался на месте.

Проблема была в паузах.

Они всегда подкрадывались, как мелкая сволочь с ножом.

Вот и сейчас. Разговор просел на секунду. Всего на секунду. Снизу, с улицы, всё ещё несло гамом. Но здесь, наверно, между ложкой Тиллы и щелчком затвора в руках Хайна, возник тонкий зазор.

Кас почувствовал его раньше, чем услышал.

Вернее, не услышал.

Горло вдруг стянуло сухой верёвкой. По позвоночнику медленно, как мокрый гвоздь, пошёл знакомый холод. Воздух в комнате остался тем же — горячим, с запахом супа и металла, — а кожа на руках почему-то решила, что вокруг ледяная вода.

Лирика подняла голову сразу.

У неё был на редкость нехороший талант замечать вещи, которые он предпочёл бы спрятать даже от себя.

— Кас.

Он моргнул. Один раз. Второй.

Сорок уже двинул по столу кружкой так, что она грохнула в Кодекс.

— Эй.

Звук вышел грубый, отличный.

Кас втянул воздух носом.

Тилла без слова сняла крышку с котла, выпустив в комнату облако пара и запах чеснока, мяса на кости и жира. Пар ударил в лицо, осел на коже.

Хорошо. Очень хорошо.

— Сядь, — сказала Лира.

— Я сижу.

— Тогда не изображай покойника, а моргни ещё раз.

Он моргнул.

Лира смотрела на него, не мигая. Не сюсюкала. Не клала ладонь на лоб, будто он был ребёнком. Просто держала взгляд, как тонкую, упрямую нитку.

Сорок громко втянул носом суп.

— Тилла, если я сейчас сожру всё, это будет медицинская помощь?

— Это будет кража, — отрезала Тилла. — Но я подумаю.

Хайн тихо щёлкнул затвором.

Комната снова набралась звуком до краёв. Зазор схлопнулся.

Кас выдохнул через зубы.

Лира первой отвела глаза. Но только затем, чтобы подать ему кусок хлеба.

— Жуй, — сказала она.

— Я не собака.

— Я в курсе. Собака бы меньше выпендривалась.

Сорок фыркнул.

Кас взял хлеб.

На вкус он был как кирпич, если кирпич замочить в чае и обидеть. Зато челюсть сразу вспомнила, что у неё есть работа.

Тилла поставила на стол миски. Суп был густой, злой и честный. В нём плавали куски чего-то, о чём лучше не спрашивать, и перец, способный вышибить из человека старые грехи.

Они ели молча минут пять.

Не тем молчанием, от которого стены становятся шире. Рабочим. Шумным. С ложками, хрустом, фырканием, руганью Сорока на горячее и шипением Тиллы, когда он полез за второй миской раньше времени.

Потом Хайн вытер пальцы о тряпку, отодвинул пустую тарелку и посмотрел на Кодекс так, будто это была граната с очень длинной памятью.

— Мы тянем уже шестой день.

— Пятый, — сказала Лира.

— Шестой, если считать ту ночь.

— Я ту ночь не считаю. Там никто толком не соображал.

— Очень по-научному.

Она лениво подняла на него глаза.

— Хочешь, могу объяснить тебе на медицинском.

Тогда ты ещё и обидишься.

Сорок откинулся, сыто скрипнув стулом.

— Давайте уже вскроем эту красную падлу. Я устал просыпаться рядом с вещью, которая выглядит так, будто ей снятся плохие мысли.

Тилла перекрестила бы его, если бы во что-то подобное верила.

— Не рядом. На моём столе. И если оно ещё раз ночью зашевелится, я засуну его в ведро с соляжкой.

— Ага, — сказал Хайн. — И сожжёшь дом.

— Дом я отстрою. А вот ещё один древний сюрприз мне тут не нужен.

Кас поставил ложку.

Кодекс лежал посреди стола, впитывая чужие взгляды с полным равнодушием вещи, которой плевать на чью-либо нервную систему.

Он потянулся к нему.

Не резко. Просто положил пальцы на холодную крышку.

И всё равно у Тиллы дрогнул подбородок, у Хайна чуть подались вперёд плечи, а Сорок перестал жевать.

Лира ничего не сказала. Только встала и обошла стол, оказавшись у него за спиной.

От её кожи пахло спиртом, табаком и чем-то горьким, травяным. Кас ненавидел и любил этот запах одновременно.

Металл под пальцами был холоднее, чем должен. Не ледяной. Хуже. Как вода в старой цистерне глубоко под землёй.

Линии на крышке не светились и не ползли. Просто были. Упрямые, тонкие, сплетённые в узор, от которого глаз всё время пытался соскользнуть.

— Ну? — спросил Сорок.

— Ничего.

— Отлично. План охуенный.

Кас провёл большим пальцем по центральной выемке, еле

заметной, будто след от шва.

Лира наклонилась ближе.

— Стой.

— Что?

Она взяла его за запястье и развернула ладонь к свету.

На подушечке большого пальца темнела тонкая полоска крови. Он даже не заметил, где рассёк кожу — то ли об угол миски, то ли о ржавчину на окне.

Лира поднесла его руку к Кодексу, не спрашивая.

— Если сейчас оттуда вылезет что-нибудь с зубами, — сказал Сорок, — я съеду от вас к чёртовой матери.

— Ты живёшь у меня третий месяц, — бросила Тилла. — И до сих пор не запомнил, что зубы тут только у меня.

Кас хотел ответить, но кровь уже коснулась металла.

Ничего не случилось.

Ровно удар сердца.

Потом Кодекс тихо щёлкнул.

Звук был настолько слабый, что если бы на улице не орали, его можно было бы и не услышать.

Но Кас услышал. Все услышали. Комната сразу замерла так, что даже пар из котла показался подозрительно громким.

Под пальцами металл чуть дрогнул. Не как живая плоть. Как старая сложная вещь, в которой много лет не трогали внутренний механизм, а он всё-таки решил вспомнить своё ремесло.

Ещё щелчок.

Красные линии на крышке будто намокли изнутри. Не свет, нет.

Просто цвет стал глубже. Сырым. Тёмным, как свежий срез.

Хайн поднялся со стула.

Сорок сделал то же самое, медленнее.

— Руки убрал, — тихо сказала Лира.

Кас послушался.

Кодекс лежал, дышал своим молчанием, а потом одна из боковых граней чуть отошла.

Настолько мало, что могло показаться.

Тилла прошептала сквозь зубы:

— Вот же мерзость.

Хайн подошёл ближе и присел, не касаясь.

— Здесь шов.

— Я, блядь, вижу, — огрызнулась Тилла.

— Нет. Не просто шов. Фиксатор.

Лира уже подала ему тонкий инструмент, не глядя. Он вставил его в едва заметный паз, надавил, повернул. Внутри что-то сухо прокатилось, как костяшка по железной трубе.

И книга раскрылась.

Не резко. Не красиво. С натугой.

Будто очень не хотела.

Внутри не было страниц в привычном смысле. Тонкие красные пластины, тёмные как запёкшаяся кровь, лежали

одна на другой, сцепленные по краю в сложный металлический корешок. На каждой шли узкие канавки, насечки, выпуклости серого металла и едва различимые знаки.

Никакой пыли. Никакой ветхости. Словно время трогало внешнюю оболочку, а сюда не пролезло.

Кас почувствовал, как у него на затылке поднимается холодный пот.

Не от голоса. Никакого голоса не было.

Просто в воздухе вдруг возникла та же тяжесть, какая бывает перед штормом в замкнутом резервуаре. Давление. Ожидание. И в глубине груди — короткий, мерзкий провал, словно кто-то на миг вынул из тела привычный вес.

Лира стиснула его плечо.

Крепко.

Вовремя.

Хайн осторожно перевернул первую пластину.

На обратной стороне проступила схема. Не карта, не текст — сначала набор линий, меток, кругов и цифр, слишком стройный, чтобы быть случайным, и слишком чужой, чтобы нравиться.

Сорок наклонился через стол.

— Очень хорошо. Мы открыли дорогую хрень с ещё более дорогой хренью внутри.

Тилла уже протирала руки фартуком, хотя они были чистыми.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Хайн молчал.

Лира прищурилась, потом быстро взяла карандаш, подтянула к себе обрывок бумаги и начала срисовывать один блок знаков.

Кас смотрел на пластину и ловил странное ощущение узнавания. Не смысла. Ритма. Как будто эти линии были построены по тем же законам, что и что-то другое, уже однажды коснувшееся его изнутри и оставившее после себя дыру, защиту на живую нитку.

Он не двинулся. Не моргнул.

Лира, не глядя, ткнула его локтем в рёбра.

Больно.

Хорошо.

Он вдохнул.

— Вон это, — сказал Хайн наконец. Голос у него стал суше обычного. — Повтори.

— Что?

— Этот знак. Три вертикали и ломанная дуга.

Кас посмотрел.

— Ну.

Хайн поднял глаза на Лиру.

— Это не буква.

— А что?

— Водный штамп.

Тилла выругалась.

Сорок посмотрел на него с тем выражением, с каким

обычно смотрят на людей, внезапно начавших говорить на языке насекомых.

— И?

Хайн ткнул пальцем в другую насечку.

— А вот это — соляной допуск. Старый. До распада торговых цепей.

Я видел такие на архивных пломбах.

Лира замерла над бумажкой.

— Где?

— На юге.

— Южнее Асхарата?

— Намного.

Сорок шумно выдохнул.

— Хайн. Я сейчас сломаю о твою голову табурет. Скажи уже нормально.

Хайн поднялся. Подошёл к окну.

Свет лег на его лицо полосой, подчеркивая всё, что он обычно прятал в тени: усталую кожу под глазами, две старые белые отметины у виска, тонкую линию шрама под нижней губой.

Он смотрел не на них. В свою память.

И, судя по тому, как повело его плечи, пейзажи там были говённые.

— Это маршрут, — сказал он.

— Охуеть, — буркнул Сорок. — Мы бы сами не догадались.

Хайн даже не повернулся.

— Маршрут доступа. Не просто дорога. Коридор. Разрешённый проход к архивному узлу.

Лира медленно положила карандаш.

— Куда?

Пауза вышла короткой, но плотной.

Снизу снова заорали. Кто-то заржал. Где-то хлопнула дверь.

Кас услышал, как в котле закипает бульон.

— Тар-Вэл, — сказал Хайн.

Слово легло в комнату, как нож на стол.

Тилла первая нарушила тишину.

— Нет.

Негромко.

Но так, что всем стало ясно: она не спорит, она шлёт этот вариант к чёртовой матери.

— Даже не начинайте, — сказала она. — Я знаю это название. Все знают. Белые стены, стекло, соль, дорогая вода и люди, у которых внутри вместо крови бухгалтерия. Нет. Туда нормальные не ходят.

— У нас плохие новости, — сказал Сорок. — Нормальные мы ещё в прошлом году закончились.

Лира продолжала смотреть на пластину.

— Если это правда, там может быть следующий слой.

— А может, там вам вскроют брюхо и продадут по частям, — отрезала Тилла.

— И такой шанс есть, — сказала Лира.

Тилла резко повернулась к ней.

— Ты так говоришь, будто это плюс.

Лира подняла плечо. Не в споре. В усталости.

— Я говорю, как есть.

Кас тронул край второй пластины.

Та не поддалась.

Только первая оказалась открыта. Остальное по-прежнему держало молчание.

— Значит, хочет, чтобы мы дошли, — тихо сказал он.

Хайн посмотрел на него.

— Или чтобы сдохли в дороге.

— Ты умеешь вдохновлять.

— Это не моя работа.

— А какая твоя? — спросил Сорок.

Хайн выдержал его взгляд.

— Пока что — довести вас живыми.

Сорок собирался ответить, и ответ наверняка был бы с зубами, но снизу, с лестницы, донёсся быстрый топот.

Все в комнате подняли головы одновременно. Тилла уже держала в руке нож. Кас даже не видел, когда именно он появился у неё между пальцев. Хайн подобрал карабин. Лира шагнула к стене, где под тряпкой висел короткий резак. Сорок просто встал.

Топот оборвался у двери.

Кто-то два раза коротко стукнул костяшками, потом ещё

один раз — отдельно, с паузой.

Тилла сузила глаза.

— Лилитовы.

— Откроешь? — спросил Сорок.

— Если они мне дверь вынесут, заставлю вставлять новую.

Она отодвинула засов и распахнула створку.

На пороге стояла девчонка лет шестнадцати, худая, как спица, в короткой тёмной куртке, забрызганной грязью до груди. Под глазом у неё тянулся старый рубец, бровь над ним была выщипана клочком. На шее болтался тонкий шнурок с медной змейкой.

Дышала она ртом. Значит, бежала всерьёз.

Окинув комнату быстрым, цепким взглядом, девчонка остановилась на Касе.

— Ты, — сказала она. — Хорошо.

— И тебе не сдохнуть, — буркнула Тилла. — Чего надо?

Та даже не посмотрела на неё.

— Лилит велела передать сразу, без лишних соплей.

Она шагнула через порог, захлопнула за собой дверь и только потом сказала тише:

— Город начал шевелиться. Не Барахолка. Выше.

Хайн уже стоял так, что видел окно и лестницу одновременно.

— Кто?

— Все, кому не похуй на слово Десятый.

Сорок коротко выдохнул сквозь нос.

Девчонка перевела взгляд на Красный Кодекс. На секунду у неё дёрнулся уголок губ. Не от страха. От очень плохого предчувствия.

— О, — сказала она. — Вы ещё и это вскрыли. Тогда всё совсем весело.

— Короче, — сказала Тилла. — Пока я не передумала и не выкинула тебя обратно в проход.

Девчонка посмотрела прямо на Каса.

— Лилит ждёт. Сейчас. Не через час, не после чая, не когда вы тут допиздитесь до гениального плана. Сейчас.

Кас не двинулся.

— Зачем?

— Затем, что к вечеру у вас может не остаться города, из которого удобно сбежать.

Снизу, где-то совсем недалеко, протяжно завывала сирена.

Не базарный свисток. Не заводская труба.

Что-то выше. Чище. Холоднее.

В комнате никто не шевельнулся. Только пар над котлом дрогнул.

Девчонка усмехнулась одним уголком рта, и от этой усмешки сразу стало ясно: бегом она шла не зря.

— Вот за это, — сказала она, кивнув на сирену, — госпожа Лилит и просила поторопиться.

Кас посмотрел на Кодекс. На открытую красную пластину. На пальцы Лиры, испачканные грифелем и кровью. На

Хайна у окна. На Сорока, который уже перехватывал ремень через плечо. На Тиллу с её ножом и злым лицом человека, который слишком хорошо знает цену времени.

Сирена завывала второй раз.

Громче.

Асхарат, похоже, решил, что утро можно сделать ещё интереснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.